

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ДЕТЕЙ, ПЕРЕЖИВШИХ РАЗВОД РОДИТЕЛЕЙ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОНТОГЕНЕЗА

*О.В. АГЕЙКО, кандидат психологических наук,
старший преподаватель БГПУ им. Максима Танка*

Статья посвящена анализу социальной перцепции семейных отношений у детей из неполных семей, с учетом возраста ребенка на момент развода родителей. Исследуется тип семейной структуры (сбалансированный, среднесбалансированный, несбалансированный), восприятие самого факта распада семьи, прослеживаются основные процессы идентификации ребенка из неполных семей.

Ключевые слова: семейные отношения, неполная семья, социально-психологическая перцепция, тип семейной структуры, развод, эмоциональная сплоченность, иерархия.

Происходящие в нашей республике кардинальные изменения в области политики, экономики, идеологии, общественной морали затронули все социальные институты, в том числе и семью. Семья для ребенка – первый и важнейший социально-педагогический институт. Семья закладывает систему отношений с близкими взрослыми, детерминирующими особенности общения, способы и формы совместной деятельности, семейные ценности и ориентиры. Ломка традиционной структуры семьи приводит к усилению эмоциональной нестабильности как супругов, так и детей. Травматичность для ребенка ситуации развода усугубляется выбором между привязанностью к отцу и к матери, выработкой новой стратегии поведения.

Современное общество испытывает сложности в связи с кризисом семьи. Сегодня в Беларуси распадается каждый четвертый брак, а из вновь зарегистрированных – каждый второй [3]. Вследствие развода родителей ребенок попадает в ситуацию вынужденной сепарации от одного из них.

Таким образом, исследование особенностей восприятия семейных отношений детьми из неполных семей представляет интерес не только для психологов, но является актуальным для педагогов, социальных работников, а также разведенных супругов.

В своем исследовании под социально-психологической перцепцией мы понимали восприятие, понимание и оценку людьми социальных объектов, результатом чего является формирование социально-психологического образа как результата смысловых и оценочных интерпретаций.

Социально-психологический образ семейных отношений – это субъективная картина мира семьи, включающая самого субъекта, других членов семьи, пространственное окружение и временную последовательность событий. В исследовании мы исходили из того, что одной из составляющих образа семейных отношений является восприятие, понимание и оценка семейной структуры, базовыми категориями которой являются когезия (эмоциональная сплоченность), иерархия, гибкость [5].

Для изучения восприятия семейной структуры применялась проективная методика «Семейный системный тест» (Family-System-Test, FAST), разработанная Г. Герингом и И. Вилером в 1986 г. для измерения степени близости и оценки иерархии отношений между членами семьи в трех видах семейных репрезентаций (типичной, идеальной и конфликтной).

Структура семьи исследовалась в трех репрезентациях – «типичной» (какой я вижу семью чаще всего), «конфликтной» (какой я вижу свою семью в конфликтных ситуациях), «идеальной» (какой хотелось бы мне видеть свою семью). Соотношение параметров иерархии и когезии в различных видах репрезентаций позволило сделать вывод о типах семейной структуры.

Семейные структуры классифицировались по трем основным группам паттернов на основе измерений когезии и иерархии. Соотношение этих двух параметров определяет эти три типа семейных структур: «сбалансированные» (Сб), «средне или лабильно-сбалансированные» (Л), и «несбалансированные» (Нб) (рис. 1). В сба-

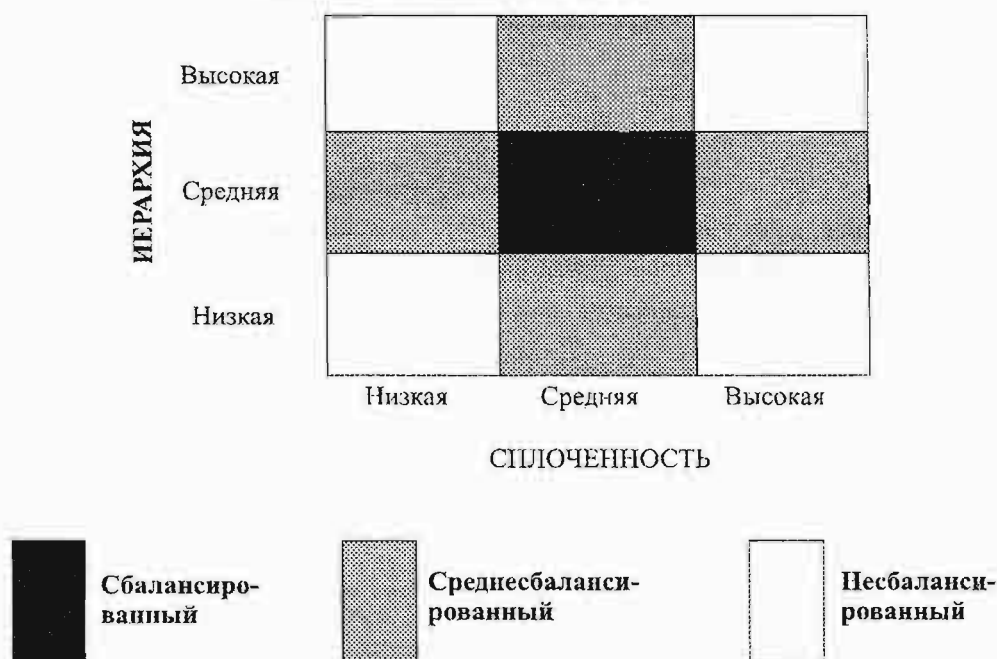

Рис. 1. Типы семейных структур

лансированной структуре уровень когезии средний или высокий, а иерархии – средний. В средне-сбалансированной структуре имеет место сочетание средней когезии с высоким или низким уровнем иерархии, низкой когезии со средним уровнем иерархии. В несбалансированной структуре оба измерения характеризуются полярностью (высокой или низкой сплоченностью и иерархией).

Исследование возрастных особенностей восприятия детьми развода родителей представляет интерес с точки зрения изучения структуры и особенностей формирования образа семейных отношений. Вся выборка детей из неполных семей была разбита на подгруппы в зависимости от возраста, на который пришелся развод родителей: I подгруппа – 0–3 лет; II подгруппа – 4–6 лет; III подгруппа – 7–11 лет, IV подгруппа – 12–14 лет, V подгруппа – 15–17 лет.

Использование стратегии исследования в виде поперечных срезов позволило выделить особенности социальной перцепции семейных отношений у детей из неполных семей. Причиной несбалансированности семейной структуры при типичной репрезентации дети из 1–3 подгруппы считают «низкую иерархию/низкую эмоциональную сплоченность», дети 4 и 5 подгрупп – «низкую иерархию/высокую эмоциональную сплоченность», детерминантой среднесбалансированности выступает «низкая иерархия/средняя эмоциональная сплоченность». Только дети, пережившие развод родителей в 15–17 лет отметили

причину среднесбалансированности семейной структуры в «высокой иерархии/средним уровнем эмоциональной сплоченности». Следовательно, несбалансированность семейной структуры в типичных репрезентациях является показателем существующих реальных проблем между всеми членами бывшей семьи, но больше всего данная проблема переносится в плоскость отношений «ребенок–мать».

Наибольшая схожесть показателей эмоциональной сплоченности и иерархии обнаружена при идеальной репрезентации, что говорит о единстве взглядов на идеальную семью у всех респондентов из неполных семей. Установлено, что чем младше был ребенок на момент развода родителей, тем более «экстренной» и «редковстречающейся» представляется ему идеальная семья. Однако, к наиболее выраженной идеализации, характеризующейся наделением отца чрезмерной властью склонны дети, чьи родители развелись, когда детям было 4–6 лет и 12–15 лет. Дети в 15–17 лет, пережившие развод в 65% не склонны включать отца в идеальную семейную репрезентацию, то есть в их представлении идеальная семья возможна без отца. Полученный результат может являться следствием обостренной постразводной ситуации, актуализированными защитными механизмами личности, когда ребенок боится, что вслед за отцом он может «потерять» и мать.

Как видно из *табл. 1* дети, пережившие развод до трех лет воспринимают семью

как максимально эмоционально сплоченную. Самой дистантной видят семью дети, которые остались без отца в возрасте 4–6 лет.

Установлена достоверно значимая положительная связь восприятия и оценки развода с наличием сиблингов ($r_s = 0,50$, $p < 0,01$),

Таблица 1

**Взаимосвязь компонентов
семейной структуры социальной перцепции и возраста ребенка,
на который пришелся развод ($p < 0,01$)**

Возраст ребенка на момент развода	Компоненты семейной структуры	
	эмоциональная сплоченность	иерархия
0–3 года	0,67	0,31
4–6 лет	0,33	0,36
7–11 лет	0,47	0,44
12–15 лет	0,42	0,59
15–17 лет	0,39	0,67

При конфликтной репрезентации 93% детей из неполных семей воспринимают семейную структуру как несбалансированную. Существуют значимые отличия между выделенными группами в конфликтной семейной репрезентации. Так, для детей 2 и 4 группы конфликтность представлена наибольшей полярностью, т. е. «низкой иерархией/низкой эмоциональной сплоченностью»; для 1 – «низкая иерархия/высокая эмоциональная сплоченность»; для 3 – «высокой иерархией/средней эмоциональной сплоченностью»; для 5 – «высокой иерархией/низкой эмоциональной сплоченностью». При этом, помимо отмеченного выше, интересным является следующий факт: дети проявляют схожие паттерны взаимодействия в типичных и конфликтных описаниях, что свидетельствует о восприятии семейных отношений как конфликтных.

Для подтверждения реальности существования выделенных групп и для определения значимости различий в показателях социально-психологической перцепции семейных отношений между ними мы использовали U-критерий Манна-Уитни. Достоверные различия были обнаружены по 5 шкалам методики «Незавершенные предложения», а именно: по «отношению к отцу», «отношению к матери», «отношению к будущему», «отношению к семье», «осознанию вины». Средние показатели по шкалам «отношение к сиблингам» и «отношение к будущему» достоверных различий в анализируемой выборке не обнаружено.

с отношением к прошлому ($r_s = 0,34$, $p < 0,01$), с наличием контактов с отцом ($r_s = 0,32$, $p < 0,01$) и отрицательная – с возрастом, на который приходился развод родителей ($r_s = 0,41$, $p < 0,01$), отношением к отцу ($r_s = 0,39$, $p < 0,01$). Анализ полученных данных по результатам ЦТО показал, что дети 1 группы (развод в 0–3 года) относятся к отцу положительно в 58%, 2-й группы – 76%, 3-й группы – 39%; 4-й группы – 81%; 5-й группы – 36,7% респондентов из неполных семей.

Уровень средних показателей по выделенным возрастным группам значительно отличается. Более высокую выраженность средних величин мы зафиксировали в 1 и 2 возрастной группах, а самую низкую в 5. Иными словами, чем старше ребенок в период развода родителей, тем, скорее всего, он все более реалистично должен оценивать происходящие события. Однако, наряду с сохранившейся идеализацией отца увеличивается чувство вины ребенка ($r_s = 0,41$; $p < 0,01$), менее позитивным ребенок видит будущее ($r_s = 0,47$; $p < 0,01$).

Подсчет коэффициента корреляции между матрицами значений факторных нагрузок во всех подгруппах приводит к следующим результатам. Все связи между составляющими образа семейных отношений у детей из неполных семей сильны (коэффициенты колеблются в пределах от $r_s = 0,78$ до $r_s = 0,97$). Следовательно, можно утверждать, что у детей из неполных семей, независимо от того, на какой возрастной момент пришелся

развод родителей, компонентная структура восприятия образа семейных отношений близка к однородности. В то же время мы предполагаем, что может различаться согласованность структурных компонентов образа семейных отношений, которая будет детерминирована возрастом, на который приходился развод родителей.

На основании корреляционного анализа была выявлена взаимосвязь изменения восприятия и оценки составляющих образа семейных отношений у детей в условиях неполной семьи с возрастом, на который приходился момент развода родителей. Выделение в экспериментальной группе названных групп детей в зависимости от их возраста на момент развода родителей позволило дифференцировать особенности восприятия и оценки образа семейных отношений (рис. 2.5).

с родителем того же пола (у мальчиков – с отцом; у девочек – с матерью). Выражена в этом возрасте и потребность в общении со сверстниками как значимыми другими, что совпадает с развитием ролевых структур личности, умением принимать и играть роли. В этой связи родитель того же пола приобретает значение эталона – модели для формирования идентичных полу навыков поведения при достаточно выраженном чувстве любви к родителю другого пола. В старшем дошкольном возрасте мальчики находятся в более сложной семейной ситуации, чем девочки. Вызвано это недостаточной ролью отца в семье и его уходом в случае развода. Мальчики, лишённые общения с отцом, обнаруживают большее количество страхов ($r_s = 0,64$, $p < 0,01$), ($r_s = 0,55$, $p < 0,01$) и трудностей

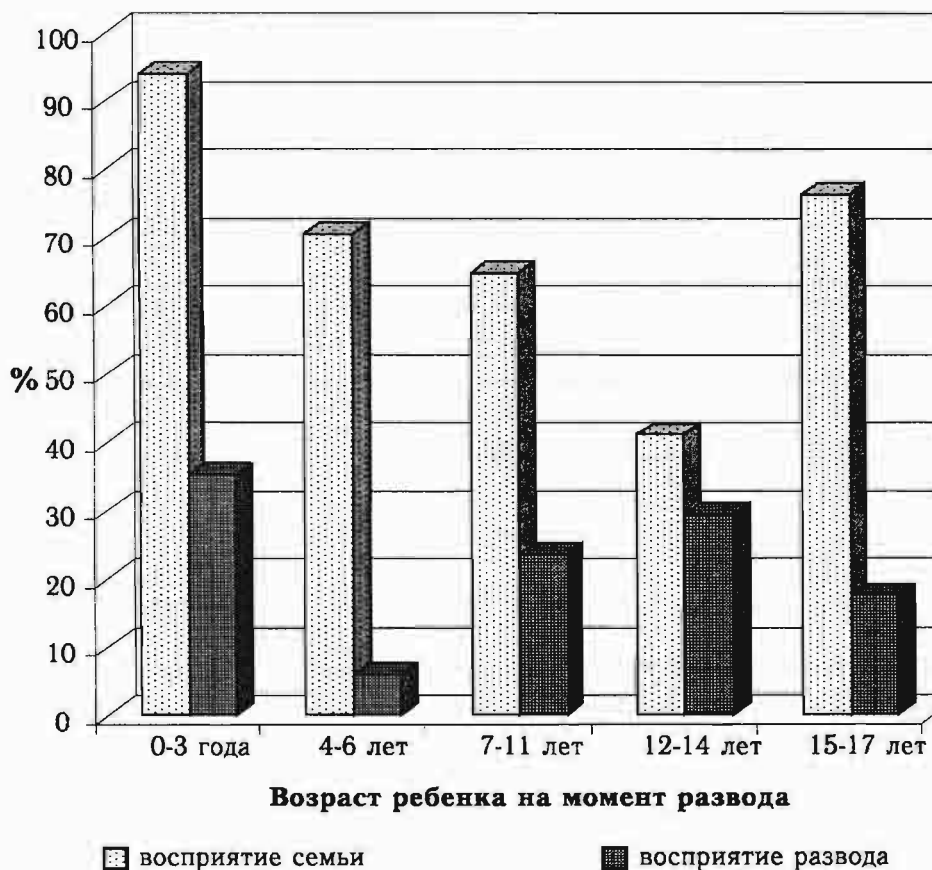

Рис. 2.5. Восприятие развода и семьи детьми из неполных семей

Результаты проведенного исследования показали, что процесс изменения образа семейных отношений у детей из неполных семей происходит у всех выделенных нами групп. Причем, наиболее значимые изменения относятся ко второй и четвертой группе детей, т.е. у тех, кто остался без отца в возрасте от 4 до 6 лет и в возрасте от 12–14 лет. В старшем дошкольном возрасте заметна возрастная потребность в отождествлении (идентификации) детей

в общении со сверстниками ($r_s = 0,68$, $p < 0,01$). Подобные отклонения в немалой степени обусловлены и компенсаторно-замещающим, односторонним влиянием матери. В свою очередь, хорошее взаимопонимание матерей и сыновей связано, по данным корреляционного анализа, с отсутствием контактов с отцом ($p < 0,01$, $r_s = 0,467$) и с отношением к отцу ($p < 0,05$, $r_s = 0,317$). Отмеченные особенности материнской любви затрудняют эмоциональный

контакт с детьми, препятствуют формированию полноценного чувства привязанности и создают характерный эффект «мамино сына».

Исследуя особенности социально-перцептивного образа семейных отношений у испытуемых из неполных семей, нам удалось установить, что перестройка восприятия, понимания и оценки семейных отношений происходит на протяжении всего времени жизни ребенка в семье такого типа. Однако, наиболее значимые и важные изменения в образе семейных отношений происходят у детей, которым на момент развода родителей было 4–6 лет, а также на пубертатный период (табл. 2).

образа семейных отношений: в возрасте от 0 – до 3 лет, 7–11 лет и в 15–17 лет происходит заметное смещение показателей иерархии в сторону увеличения, уменьшения уровня сплоченности с матерью, более низкую степень идеализации отца. Дети, которым на момент развода родителей было 4–6 лет и 12–15 лет, показывают очень тесные эмоциональные отношения с матерью, низкую степень иерархии в семье, жесткость семейных границ, высокую степень идеализации отца.

Среди детей из неполных семей выделилась небольшая группа детей – 21% (15% девочек, 6% мальчиков), которая определена нами как «адаптированные дети». Эти дети были в хоро-

Таблица 2

Процентное распределение восприятия матери в зависимости от возраста ребенка на момент развода родителей (n = 265)

Возраст на момент развода родителей	Восприятие матери					
	Положительное		Нейтральное		Отрицательное	
	Абс. вел.	%	Абс. вел.	%	Абс. вел.	%
0–3 года	48,5	38	14	19	37,5	22,5
4–6 лет	57	55	9	22	34	23
7–11	23,5	38	29,5	21	48	41
12–15	87	72	7	16	6	12
15–17	61	42	23	35	16	22,5

Наличие взаимосвязи между возрастом ребенка, на который приходился развод родителей и восприятием составляющих компонентов структуры семьи нашло подтверждение в полученных значимых коэффициентах корреляции. Значимые коэффициенты корреляции между уровнем эмоциональной сплоченности с матерью и возрастом ребенка, на который приходился развод родителей у детей 1 возрастной группы (0–3 года) $r_s = -0,75$, $p < 0,01$, у детей, переживших развод в 15–17 лет возрастной $r_s = -0,34$, $p < 0,01$. Результаты корреляционного анализа показали наличие значимой связи между степенью удовлетворенности отношений с матерью и возрастом, на который приходился развод родителей ($r_s = 0,47$, $p < 0,01$), уровнем когезии в типичной репрезентации ($r_s = 0,37$, $p < 0,01$). В описанных группах, таким образом, можно выделить две тенденции в формировании

сих отношений с каждым из родителей и к моменту развода и после него, активно определяли свою позицию в создавшейся ситуации, а не беспомощно ожидали ее разрешения, как большинство детей. В их поведении не обнаруживалось признаков вины, гнева, агрессивности. Можно предположить, что в семье таким детям успешно помогали справиться со всеми переживаниями или предупредить их возникновение.

Хорошо адаптированные к ситуации развода дети чаще привязаны к отцу, чем к матери. Лучше всего адаптируются в постразводный период те, кто опирался на отца или мать при поддержке и принятии второго родителя. Поддерживающее социальное окружение ребенка в постразводный период включает не только родителей, но и других родственников, воспитателей, учителей. Установлено, что адаптивность детей зависит от характера отношений матери

к ребенку. Среди хорошо адаптированных детей больше всего тех, у кого были теплые или, напротив, холодные отношения с матерью. Если мать холодна, у ребенка складываются теплые отношения с кем-либо из близких родственников. В случаях плохой адаптации ребенка к постразводной ситуации преобладали неровные отношения с матерью, частые случаи гиперопеки со стороны матери.

Включенность фигуры отца в типичную (54%) и идеальную семейную (81%) репрезентацию мальчиками, пережившими развод в 4–6 лет, закономерно отражает потребность в полоролевой идентификации с ним. Мальчики, как и отцы, предпочитают паритетные отношения в семье, в то время как девочки подчеркивают доминирование матери.

Развод родителей нарушает процесс идентификации ребенка. В связи с этим представляет интерес феномен идентификации ребенка из неполной семьи, который может быть охарактеризован четырьмя взаимосвязанными процессами.

1. Ребенок верит, что он и отец («модель») обладает сходными чертами, точнее было бы сказать, усматривает свое сходство с «моделью» и не только верит, но и воспринимает, признает, переживает сходство, и это усматривание может быть как сознательным, так и неосознаваемым. Речь идет, таким образом, о достаточно широком и сложном когнитивном процессе, природа которого недостаточно изучена. В основе восприятия (усмотрения, переживания) сходства также могут лежать разные процессы. Так, ребенок может воспринимать свое сходство с родителями потому, что действительно отмечает сходные физические или психические характеристики, либо потому, что взрослые постоянно указывают и тем самым внушают ему мысль о сходстве, либо благодаря формированию семейной идентичности, семейного «Мы», либо благодаря тому, что он подражает действиям родителя и тем самым увеличивает сходство.

2. Ребенок переживает «викарные аффективные реакции», соответствующие событиям, в которых оказывается «модель» так, как если бы эти события происходили с ним. Так, ребенок пугается, если его родители попадают в угрожающую ситуацию, или радуется, если его родитель оказывается «на высоте».

3. Ребенок стремится обладать чертами модели, которые воспринимаются им как желательные, и стремится к тем целям, к которым, как он полагает, стремится «модель». Так, мальчик хочет быть таким же сильным и высоким, как отец, он хочет поднимать тяжелые вещи, как

отец, купаться там, где глубоко и где купается отец, водить машину, как отец, решать, что и когда делать, руководить другими, как он.

4. Ребенок усваивает и использует установки и поведение, демонстрируемые «моделью», реально начинает вести себя, как «модель», или символически воспроизводит соответствующее поведение.

Идентификацией в узком смысле являются лишь два первых процесса, то есть когнитивное и эмоциональное уподобление другому лицу, а формирование намерений и установок, так же как и соответствующее поведение, являются следствиями идентификации. Эти следствия, однако, сами оказываются факторами, поддерживающими и усиливающими идентификацию. Так, чем в большей степени в своем поведении ребенок уподобляется своему отцу, тем больше у него оснований усматривать свое сходство с ним и тем богаче его возможности эмоциональной идентификации.

Согласно точки зрения А.И. Захарова, чем старше ребенок, тем болезненнее он переживает утрату отца, а, следовательно, отношения с отцом для него более значимы. Однако, полученные нами экспериментальные данные не подтвердили данное положение. Это объясняется тем, что фундаментальные (триангулированные) структуры объектоотношений у подростка 15–17 лет уже настолько укреплены и интериоризированы, что потеря «внешнего» объекта угрожает им незначительно. Они могут быть легко компенсированы благодаря отношениям с отцом после развода, либо отношениями с несколькими отцовскими эрзац-объектами (дедушкой, друзьями, носящими отцовский характер).

Таким образом, при всей своей нестабильности, конфликтности, при наличии кризисов в семье ребенку свойственно восприятие семьи как целостного феномена. Однако, в семейном онтогенезе существует два наиболее чувствительных периода для формирования образа семейных отношений. Влияние развода родителей на ребенка в данные временные периоды жизни максимально. «Застревание» ребенка на каком-то из возрастных периодов, неспособность или невозможность принять то, что изменилась структура семьи, обуславливает неизбежность возникновения проблем в последующем [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агейко О.В. Изучение структуры семьи в постразводный период при помощи Системного семейного теста Геринга // Теоретические и прикладные аспекты кризисной психологии: Сб. науч. тр. Мн., 2001. С. 144–150.

2. Агейко О.В. Использование системного семейного теста Геринга в работе школьного психолога с семьей // Психолог года: Мн., 2001. С. 83–88.
3. Агейко О.В. Влияние распада семьи на детей дошкольного возраста // Актуальные проблемы социально-психологической помощи семье: теория и практика: Мн., 2000. С. 96–100.
4. Аккерман Н. Семья как социальная и эмоциональная единица // Семейная психотерапия – СПб.: Питер. Серия «Хрестоматия по психологии»), 2000. С. 5–17.
5. Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 304 с.
6. Тийт Э.А. Факторы риска, вызывающие расторжение брака // Сб.ст. / Акад. наук Латв. ССР, Ин-т экономики. Отв. ред. П. Гулян. Рига: Зинатне. 1980. С. 98–109.
7. Трунки В.Н. Неполное детство. Л., 1983. 111 с.
8. Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой: Психоанал. Исслед.: Пер. с нем. М.: Наука, 1995. 376с.
9. Черников А.В. Системная семейная терапия: М.: «Класс», 2001. 208 с.